

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ

Садыков К.П.
ТашГИВ

Title: The Great Silk Road and Its Influence on Cultural, Religion Communication in Oriental Civilization

Abstract: The Silk Road played a great role in the distribution of Buddhism among the Central and East Asian people. Through the Silk Road Buddhism had the opportunity to take advantage of the broad arena of trade-economic and cultural connections. As a result it became one of the most unique and widely recognized religions of the Orient.

Spreading from Central Asia through Eastern Turkistan, it came to China. According to some information, the spread of these religions in China came from Central Asia.

The path of Buddhism through Central Asia promoted its further development. There are certain resemblances in the Central Asian variant of Buddhism with ancient Chinese, Korean and Japanese. The spread of Buddhism from one region to the other brought some cultural, ethnic traditions and philosophical ideas. Therefore, all varieties of Buddhism were united into one system.

Due to Buddhism, ancient Indian philosophy and culture penetrated the early Turkic world. In this period, works containing religious, philosophical and didactic materials were translated into the Old Turkic language. Usually these materials were translations from Sanskrit, Tokharian, Sogdian and Chinese.

In the early Middle Ages, Sanskrit, Tokharian, Sogdian, Chinese and Turkic translations of Buddhist works spread throughout the east. In old Turkic theology and science, Oriental studies included the study of Buddhism, Sanskrit, Tokharian, Sogdian and Chinese. Prominent orientalists and scholars of Buddhism, Sanskrit, Tokharian and Chinese languages appeared in the Turkic world.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, буддизм, махаянский буддизм, письменная культура, древне-уйгурская письменность, древне-корейская письменность, языки международного общения, литературные и языковые взаимосвязи.

1. Великий шелковый путь как стимул восточной цивилизации.
2. Великий шелковый путь и распространение буддизма.
3. Великий шелковый путь и письменная культура народов Центральной

4. Азии.
5. Влияние Великого шелкового пути на историко-культурные, литературные и языковые взаимосвязи восточных народов.

Великий шелковый путь, связавший в древнем и раннем средневековье евроазиатские просторы, дал толчок не только развитию экономических отношений между странами данного региона, но и оказал большое влияние на установление культурных отношений, в том числе на взаимосвязь восточных языков и литератур. Огромное значение имел Великий шелковый путь для формирования общих религиозно-философских взглядов. Другими словами, он открыл широкие перспективы для взаимообмена между восточными народами и дал возможность приобщиться к новым аспектам человеческой цивилизации.

Благодаря шелковому пути получили широкое распространение такие религии как буддизм и манихейство. Следует отметить, в распространении буддизма среди азиатских народов роль Великого шелкового пути огромна. Проникновение буддизма в Среднюю Азию определило пути ее дальнейшего развития. Важно то, что данный исторический процесс дал возможность буддизму выйти на широкую арену торгово-экономического и культурного сотрудничества, обусловленного Великим шелковым путем. При этом буддизм стал одной из уникальных и распространенных религий Востока. Стимулом для его развития стали торговые и культурные связи народов, живших на шелковом пути.

Распространяясь по шелковому пути из Средней Азии через Восточный Туркестан, буддизм проник в Китай. Путь буддизма через Среднюю Азию способствовал его дальнейшему развитию. Видимо, этим объясняется близость среднеазиатского буддизма к древнекитайскому, корейскому и японскому.

В истории буддизма важным является то, как распространялось это учение. Известно, что оно распространялось не через завоевания, а благодаря миссионерской деятельности, торговым отношениям, развитию общественно-культурных связей. При заимствовании буддизма в новое общество переносились и некоторые культурные, этнические традиции и философские взгляды.

Как известно, махаянский буддизм был основан в древней Индии, применен на практике, отчасти реформирован в Средней Азии, где были определены перспективы его развития. На этой земле разработана форма махаянского буддизма, идентичная местной культуре и образу жизни. Данная форма в дальнейшем была заимствована другими азиатскими народами, которые создали на ее основе свои религиозные представления. Таким образом, буддизм стал связующим звеном, объединяющим народы, расселенные по шелковому пути. Он способствовал укреплению

культурных традиций восточных народов, единству их религиозно-философских взглядов.

Великий шелковый путь оказал большое влияние и на историю письменной культуры народов Востока. В качестве примера можно привести историю древних письменностей, в частности арамейскую систему письменностей, их формирование и развитие.

История формирования и развития данных алфавитов тесно связана с историей шелкового пути, в результате чего происходили изменения в общественно-политической и культурной жизни народов данного региона. Как известно, арамейская письменность широко распространилась в результате общественно-политических, торгово-экономических и культурных отношений народов Центральной Азии. В раннем средневековье местные народы создали свои алфавиты на основе арамейского письма [1]. Это авестийский, древне-хорезмийский, согдийский, монихейские алфавиты, которые являются продуктом указанных культурных отношений. В дальнейшем данная система письменностей обогатилась еще одним алфавитом. В V–VI веках нашей эры (возможно, и раньше) формировалась древнетюркская, так называемая “уйгурская письменность” [2]. Ученые, полагают, что этот алфавит сформировался на основе согдийского письма. Было ли это так, или же уйгурская письменность восходит прямо к арамейскому, остаётся пока невыясненным. По нашему мнению, этот вопрос может быть объектом дальнейших исследований. По всей вероятности, древние тюрки прибегали к согдийским традициям письмотворчества.

Историю формирования уйгурского письма нельзя привязывать к какому-либо определенному времени и письменному памятнику. Оно создавалось на основе арамейского и сформировалась не сразу. В его формировании большую роль сыграли культурные, торгово-экономические отношения народов, расселенных по шелковому пути. Это привело к большим изменениям в истории письменной культуры. Следует отметить, что формирование уйгурского алфавита представляет собой приспособление арамейского письма к фонетическим системам древнетюркских языков. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что это не прямое приспособление, а результат долгого графического развития.

Характерно то, что уйгурская письменность после своего формирования, на протяжении столетий применялась параллельно с другими алфавитами арамейской системы письма, в частности с согдийским. В данное время и согдийская и уйгурская письменности, развиваясь параллельно и взаимодействуя, достигли совершенства. В результате уйгурская письменность стала основным алфавитом для древних тюрков.

Важно то, что история и развитие арамейской письменной системы не ограничивается становлением уйгурского письма. В свою очередь, уйгурское письмо оказало влияние на становления других

письменностей в Центрально-Азиатском регионе. В период существования монгольской империи, по повелению Чингизхана, монгольские ученые создали свой алфавит на основе уйгурского. Этот алфавит принято называть «монгольским». В дальнейшем на основе монгольского сформировалась так называемая “маньчжурская письменность”. На основе маньчжурского, как полагают ученые, сформировалась корейская письменность [3]. Таким образом, генезис корейского алфавита восходит к арамейским системам через древнетюркский (уйгурский) и согдийский алфавиты. Во всем этом огромна роль Великого шелкового пути.

Великий шелковый путь оказал большое влияние и на языковые и литературные связи, а также на развитие философской мысли. Во время первого и второго тюркского каганатов, а также в уйгурском каганате, наряду с родным, предпочтение отдавалось согдийским и китайским языкам.

В раннем средневековье на всем протяжении Великого шелкового пути, начиная с Каспийского моря до Дальнего Востока, языками международного общения были два языка: согдийский и древнетюркский. Это объясняется общественно-политическими, историческими обстоятельствами. Как известно, в распространении буддизма среди Центрально-Азиатских народов большая заслуга принадлежит согдийцам. Как показывают источники, согдийцы активно участвовали в торговых отношениях, в результате чего их язык выходит за рамки самого государства Согда и начинает укореняться на новых территориях, осваиваемых согдийцами. Это повлияло на языковую ситуацию данного региона. Так, например, в некоторых регионах, куда переселились согдийцы, отмечен тюрко-согдийский билингвизм.

Тюрко-согдийское двуязычие продолжалось вплоть до XI в. Об этом свидетельствуют факты, приведенные Махмудом Кашгари в его книге “Диван лугат-ат-тюрк”. Он пишет: “Баласагунцы [имеется в виду город, расположенный на территории современной Киргизии – К.С.] говорят по-согдийски и по-тюркски. Жители Тираза и Мадина тулбайзы (тоже) говорят по-согдийски и по-тюркски” [4]. При пояснении этнонима “sogdaq” (согдийцев) он пишет: “Sogdaq – народ, населявший Баласагун. Они – выходцы из самаркандской и бухарской территорий Согды, но после переселения (в Баласагун) они ассимилировались” [5].

Во времена первого и второго тюркского, а также древнеуйгурского каганатов, и в период правления караханидов согдийский язык широко использовался в монументальных надписях. Все эти обстоятельства дали возможность согдийскому языку стать языком международного общения.

Что касается древнетюркского языка, то следует отметить, что древние тюрки жили и господствовали на просторах Центральной Азии, поэтому официальным языком здесь был древнетюркский. На нем были

написаны официальные и дипломатические документы, государственные указы, исторические и даже религиозно-философские произведения. Всем соседним странам на Великом шелковом пути пришлось примириться с этим неоспоримым фактом. К тому же дипломатические отношения тюркских правителей осуществлялись на древнетюркском языке, что придало ему статус языка международного общения.

Большое внимание в древнетюркских государствах уделялось и китайскому языку, о чем свидетельствуют двуязычные и трехязычные письменные памятники, созданные в этот период. В отличие от древнетюркского и согдийского языков китайский язык не получал международного статуса, однако есть свидетельства, доказывающие, что в общественно-политических и культурно-просветительских сферах жизни китайский язык приобрел особую значимость. В числе просветителей, государственных деятелей, писателей и историков-летописцев были знатоки китайского языка, специалисты по изучению китайских летописей, научных, религиозно-литературных источников. И это неслучайно, поскольку большая часть из них получила образование в Китае, благодаря чему впоследствии им удавалось занять высокие государственные посты. Одним из них был известный философ, историк и деятель древнетюркской литературы, полководец и государственный деятель, прославившийся как мудрый Тонюкук (Viłgä Tonuquq). В Китае он известен как Ашиде-Юанчжен. За свою государственную и общественно-политическую деятельность он был удостоен титулом “билге” (т.е. “мудрый”).

В создании монументальных текстов в древнетюркских государствах наряду с тюркским часто использовали согдийский и китайский языки. Об этом свидетельствует, например, установленный в 732 году памятник в честь полководца Куль-тигина. На четырех гранях памятника высечена надпись. На восточной и двух боковых гранях она высечена тюркскими рунами на древнетюркском языке. Надпись на западной грани погребального камня - на китайском [6]. Тюркский текст принадлежит историку и известному писателю Йоллуг тигину. Автором китайской части надписи является китайский генерал Чанг. Данный текст был составлен по указанию китайского императора. В тюркском тексте он упоминается как *ᠰᠠᠩ sānḡin*. В этом имени слово *sānḡin* является титулом и имеет значение “генерал”.

В памятнике в честь Бильге кагана, установленном 735 году, автором тюркской надписи которого является Йоллуг тигин, часть текста написана на китайском языке. Надпись на восточной и двух боковых гранях сделана на тюркском языке. На западной грани остались лишь следы китайской надписи [7], восстановить которую невозможно, поскольку она практически полностью разрушена.

В Центрально-азиатском регионе, в частности, в древнетюркских государствах создавались памятники и на трех языках. Одним из них

является так называемый 3- карабалгасунская надпись на камне. Она была сделана в честь уйгурского (токуз огузского) кагана Алп Билге в 820–821 году. Эта надпись сделана на трех языках: тюркском, согдийском и китайском [8].

Распространение буддизма по Великому шелковому пути создало почву для взаимодействия восточных языков и культур. Данное явление можно наблюдать и на примере китайско-тюркских отношений и литературных взаимосвязей.

Благодаря буддизму в рамках древнетюркской литературы развивалась переводная литература. Так, с китайского на древнетюркский язык были переведены многочисленные религиозно-философские, исторические тексты, произведения художественной литературы и сочинения по медицине. По велению времени из тюркской интеллигенции вышли знатоки китайского языка, ученые-востоковеды. Так, например, Сингку Сели тудун, живший в X веке, является одним из таких ученых-синологов. Он был великолепным переводчиком. Его перу принадлежат три произведения, которые были переведены с китайского. Это сутра “Золотой блеск” (“Altun öñlüg yaruq” = “Suvamaprabhasa sutra”), “Биография Сюань-цзана” (“Tsi-in-čun kavi nom bitig”) и “Книга самопознания” (“Et-ö züg köñülüg körmäk atliğ nom bitig”) [9].

Религиозно-философское мировоззрение народов Центральной Азии, переломные события в культурной и литературной жизни этого региона дали возможность обогащению древнетюркского письменно-литературного языка новыми терминами. С китайского в древнетюркский язык было заимствовано большое количество религиозно-философских, литературных терминов, а также лексика, относящаяся к книжному творчеству, буддийскому искусству, культуре и другим отраслям знания. Приведем несколько примеров.

В тюркских памятниках встречается слово *baqşï-baxşï*, которое было заимствовано с китайского языка, после чего широко использовалось в буддийских и манихейских текстах со значением “учитель, наставник”. Слово *otaşï* *baqşï*, производное от *baqşï-baxşï*, имеет значение “лекарь”. В XIV–XV веках в Чагатайском улусе слово *baxşï* употреблялось в значении “пишущий по-уйгурски или знаток уйгурского письма”. В современном узбекском данное слово употребляется в значении “народный сказитель, бахшы”. В некоторых узбекских диалектах оно означает “колдун, предсказатель”.

В переводных произведениях вполне естественно употребление китайских заимствований. Переводчики использовали их в качестве синонима тюркских слов. Следует заметить, что китайские заимствования сохраняли стиль произведений и образность китайского менталитета. Так, например, китайское слово *varşï* употреблялось в этих переводах со значением “учитель, наставник». В этом же значении употреблено и слово *tauşï* (из китайского *daşï*). Характерно то, что

данные слова не используются в манихейских текстах или же переводных произведениях из тохарского языка.

Большое количество китайских заимствований составляет буддийская религиозно-философская лексика. Так, например, в древнетюркском языке встречается слово *Burqan~Burhan*. Оно же из китайского *bvug* (“Будда”) и означает: “основатель буддийского учения, Будда; буддизм; идол”. Это же слово встречается в некоторых древних топонимах Центральной Азии. Так, например, в Талдыкурганской области Казахстана есть местность *Burhanbulaq*, получившая свое название от главной достопримечательности этих мест – одноименного водопада. Слово *Burhan* в этом названии означает “Будда”; а *Burhanbulaq* – “Священная вода (т.е. водопад) Будды”. Этот водопад существует и по сей день.

Уместно обратить внимание на следующий немаловажный факт. Как известно, в древнекитайской философии императоров почитали как “Сынов неба” (*thien-tsi*). Китайское *thien-tsi* древние тюрки произносили как *tänsi~tinsi*. Надо подчеркнуть, что так они называли именно китайских императоров, а не своих правителей. Эта же традиция наблюдается и в памятнике, установленном в честь Тонюкука, где встречается словосочетание *tinsi oǵlı*. Когда в тексте идет речь о походах тюркских войск, упоминается о “месте погребения сына тинси в горе Бенглигак” (*Tinsi oǵlı yatıǵma Baᅇligäk taǵ // Tinsi oǵlı yatıǵma taǵ*) (44- и 47- строки текста памятника). Здесь *tinsi* – “Сын неба” (т.е. правитель, император); *tinsi oǵlı* – “сын императора, принц” [10]. Видимо, здесь под названием *tinsi oǵlı* понимается сын китайского императора, а не тюркского, поскольку наследников тюркских правителей обычно называли “сыном кагана” (*qaǵan oǵlı* или же *tigin*).

Наряду с заимствованием слов из китайского в древнетюркский наблюдался и обратный процесс: из древнетюркского был заимствован китайским языком целый пласт лексики. Этот вопрос требует отдельного изучения.

Таким образом, Великий шелковый путь стал мощным объединяющим началом в истории многочисленных народов Востока. Этот фактор необходимо учитывать и в исследованиях, посвященных истории взаимодействия восточных народов с народами Центральной Азии.

Литература:

1. См.: М. Исхаков. Центральная Азия в системе мировой письменной культуры. Древность и раннее средневековье. Ташкент, 2008.
2. М. Исхаков. Еще раз к вопросу о создании корейского буквенно-фанетического алфавита. – Сб. В мире корееведения. Ташкент, 2008. С. 180–194.

3. К. Содиков. Уйгур ёзуви тарихи (манбашунослик ва китобат тарихи масалалари). Тошкент, 1997.
4. Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. 1 том. Тошкент, 1960. С. 66.
5. Указанная литература. С. 437.
6. Moğolistandaki Türk Anıtları Projesi Albümü. Hazırlayanlar: O.F. Sertkaya, C. Aylılmaz, T. Battulga. Ankara, 2001. S. 26–29.
7. Moğolistandaki Türk Anıtları Projesi Albümü. S. 73, 94–95.
8. Moğolistandaki Türk Anıtları Projesi Albümü S. 222–226.
9. K. Sadikov. Buddhism in the culture, language and literature of Central Asia. – Usbekisch-deutsche Studien II. Indogermanische und außerindogermanische Kontakte in Sprache, Literatur und Kultur. Münster, 2007. P. 320.
10. O.F. Sertkaya. Göktürk Teriminin Meseleleri. Ankara, 1995. S.212.